

Владимир ЯКУТОВ

ПРЕМЬЕР ИЗ СТАРОГО КРИВЦА

1

Работа подходила к концу.

Уже собраны в одну кучу битый кирпич, сухая глина и песок. Хозяйка—в томительном ожидании.

«Бог знает, куда пойдет дым!»

Она уже не верит, что печь не будет дымить. Сколько было мастеров, сколько ставлено пол-литров, косушек и четвертушек, а сносной печи не было. Так и жили они с мужем—мучились в прокуренной избе.

— В дыму—не в гробу!—пробовал шутить муж. Но шутка была горькой.

И вот подвернулся этот каменщик из Старого Кривца со своим подручным. Сегодня они уже кончают кладку. Мастер ничего не обещал и не ставил никаких условий.

— Плата, хозяйшка, полюбовная: понравится—заплатишь, не понравится—переложим,—только и слышала она.

— Передельвать не придется. У нас так не бывает,—успокоил хозяйку подручный печника—шустрый паренек по имени Коля.

Как водится, новую печку обмыли. Горела и грела она преотлично.

Мастер-печник уехал, так и не взяв плату за работу. Динь сказал на прощанье: «Сочтемся». Это значило: будет и дальше печь хороша, тогда и заплатишь.

Не одна сотня таких печей была сложена в селах Новозыбковского уезда руками Матвея Давыдовича Голодеда. У него же самого не было ни сносной избы, ни хорошей печки в ней. Воистину правда народная пословица: «Сапожник—всегда без сапог».

Говорят, фамилия—Голодеды—произошла от прозвища, которое дал помещик крестьянам, жившим в селе Старый Кривец, не платившим оброка, ходившим в тряпье.

«Опять эти голые деды ничего не платят!»

Так с тех пор и пошло: голые деды, голый дед и, наконец, Голодед...

В девяноста километрах восточнее Гомеля с незапамятных времен стоит большое село Старый Кривец. Оно раскинулось в длинном овраге, по дну которого течет речушка Кривуша, впадающая в Снов, приток Днепра.

В центре села, над обрывом, ютилась маленькая хата пастуха Матвея Давыдовича Голодеда. Здесь 22 мая 1894 года и родился Коля Голодод.

Семья была большая—шестеро детей. Коля—самый старший из братьев—с десяти лет стал неизменным помощником отца, «вторым кормильцем в дому», как не то в шутку, не то всерьез часто говорила мать.

Коля рос смекалистым малым. К пятнадцати годам уже сам кое-где перделывал печи, ремонтировал крыши—умел даже крыть соломой не только по-простому, колосьями вниз, но и под так называемую щетку,—рубил саран, копал колодцы.

Но больше всего ему приходилось вместе со старшими сестрами Марней и Анной пасти скот и батрачить у местных богатеев. И хотя Коля любил своих «подопечных», любил наблюдать и изучать повадки животных, его влекло к учебе, технике.

Ему повезло. В Старокривецкой трехгодичной земской школе учителями были Иван Миронович и Ефросинья Никоновна Волковы. Это они обнаружили и пробудили у пастушонка любовь к знаниям. Отличаясь поразительной памятью и сообразительностью, Коля уже через несколько недель научился читать и решать несложные задачи.

Как-то в школу прибыл инспектор Новозыбковского земства—проверить знания учащихся. Один за другим ребяташки монотонным голосом, дрожа и занкаясь от волнения, читали заданный текст. Инспектор, казалось, не обращал на них никакого внимания. Но когда Коля Голодод бойко, без запинки прочитал наизусть какое-то стихотворение, инспектор оживился. Его заинтересовал этот закутанный в плаще мальчуган.

— А много ты знаешь стихов? — полюбопытствовал инспектор.

— Все до единого, что в этой книге, — смело ответил Коля, показывая инспектору замызганный учебник. — И еще — Пушкина, Кольцова, Некрасова...

— Ну, ну, попробуй, — совсем повеселел инспектор.

Коля прочитал еще несколько стихов.

— Ты далеко пойдешь. Только учись.

Присезжав домой, еле переступив порог, мальчик выпалил:

— Тата... у меня серебряный рубль... Инспектор дал за хорошую учебу.

Отец похвалил:

— Ты у нас молодец... Но учиться не наше дело. Надо работать.

Коля знал, что такова участь всех односельчан. Те клочки земли, которыми они владели, не давали и не могли дать возможности учиться. И он только горько вздохнул...

Как-то поздним весенним вечером в хату Голодедов зашел сосед Семен Грищук. Не спеша разделся, сел на скамейку и подождал Николая.

— Ты, я слышал, умеешь хорошо читать. Прочти, сынок, что здесь написано, — и вытащил из кармана листовку.

Отец зажег лучину, и Николай стал читать. В листовке говорилось о земле, которую захватили помещики, о том, что ее нужно вернуть законным владельцам. Листовка призывала крестьян подняться на борьбу за землю, за лучшую жизнь.

После этого Коле часто приходилось читать обращения, прокламации, листовки Гомельской губернской и Новозыбковской уездной социал-демократических организаций. Их приносили ему односельчане—тоже социал-демократы, организация которых появилась и в Старом Кривце.

Под руководством социал-демократов в деревнях Лакомобудской волости и всего Новозыбковского уезда в 1905 году устраивались собрания и митинги крестьян. Их участники решали—не подчиняться помещикам и полиции. Революционно настроенные старокривечане подожгли сараи и склады у местного помещика, отобрали скот и имущество у другого.

Но так продолжалось недолго. Войска и полиция жестоко расправились с теми, кто поднял руку на своих вековых угнетателей.

В центре села, недалеко от хаты Голодедов, была поставлена та скамейка, с которой выступали на митингах ораторы. К ней казаки по очереди приводили связанных крестьян и пороли до тех пор, пока не умолкал душераздирающий крик. Потрясенный расправой над односельчанами, Николай, стоя рядом с плачущей матерью, от негодования кусал губы.

Старый Кривец был объявлен на осадном положении. С заходом солнца ни-

Николай Матвеевич Голодед в кругу семьи. Минск, 1934 год.

кому не разрешалось выходить из дому. Стоило кому-либо появиться на улице, как его тут же избивали.

Досталось и Николаю.

В один из осенних вечеров, в непогоду, от стада отбилась корова. Отец послал его искать. Долго пришлось ходить по глубоким, заросшим березняком балкам, и только поздним вечером Николай пригнал хозяину пропавшую корову. Когда возвращался домой, из темноты вынырнул всадник и хлестнул нагайкой вдоль спины. Николай упал. Но когда услышал над головой храп лошади, метнулся в огород. Дома стащили с плеч зипун—по спине струилась кровь. Мать, всплеснув руками, начала причитать, как по покойнику. Николай молча лег животом на полати и на расспросы вымолвил лишь одно слово: «казаки».

Коля был знаком с передовыми людьми села—социал-демократами. Слушал их разговоры с отцом. В сознание проникали слова: «Свобода», «Землей должны владеть крестьяне», «Царь—главный душитель». Рождалось желание приобщиться к тем, кто произносил эти слова, бороться...

Волна революции схлынула. Все осталось по-прежнему. С раннего утра до позднего вечера Коля помогал отцу, батрачил, пас скот у местного кулака, носил ему воду, колот дрова, чистил конюшню, коровник. Когда опускались сумерки, хозяин посылал его в ночное пасти лошадей. Николай молча переносил издевательства хозяина. Его поддерживала одна мысль—заработать денег и уехать в какой-нибудь город, там подучиться, начать иную жизнь. Но в конце каждого года хозяин объявлял, что все заработанное пошло на погашение долгов отца.

И только в 1910 году мечта осуществилась: шестнадцатилетним юношей